

9100
5726
105
M 91

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К. Г. МУХТАРОВ

ТРЕХЛЕТИЕ
АВТОНОМНОЙ
ТАТАРСКОЙ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1920 25 июня 1923.

КАЗАНЬ.

8955
Издание Совнаркома ТССР.
1923.

۱۲۲

м. 5776

338

м. 91

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

к 9/9
м 91

ДОКЛАД
 ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА
 НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ТССР
 К. Г. МУХТАРОВА

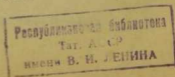
на торжественном заседании Казанского Горсовета
 ЦИК, СНК, ОК РКП(б), Совета Профессиональных,
 Союзов и представителей Красной Армии
 В ДЕНЬ ТРЕХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ
 Автономной Татарской Социалистической Советской
 Республики

25 июня 1925 года.

~~8955~~

КАЗАНЬ.
 Издание Совнаркома ТССР.
 1925.

150-38

988
18.12.

Заяв. № 286.

Гласлит АТССР № 1180.

Тираж 1000.

538
м. 31.

Сегодня мы торжественно празднуем 3-ю годовщину существования Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. Три года—даже для отдельного человеческого существа—возраст младенческий. В истории народов три года—ничтожно малый период, который совершенно не учитывается ни в те эпохи угасания, когда жизнь кое-как бредет по старым, вдоль и поперек истоптанным тропинкам, ни тогда, когда она полновесно и широко, но размеренно и безшумно несется в эпохи органического роста, спокойного накопления материальных ценностей и богатств духовной культуры. Совершенно другое значение получают те же три года в эпохи бурных потрясений, когда на обломках отжившего мира стихийно возникают зародыши нового строя, которые с невиданной быстротой пускают корни в раздающуюся под их буйным напором старую жесткую почву. Таковы годы всех известных истории революций.

Но из всех происходивших под луною революций наша революция, революция пролетарская, протекает с небывалой в мире стремительностью, и за 6 лет произвела в жизни многоязычных трудящихся масс старой России такие глубокие перемены, такой капитальный сдвиг, для которого все подголоски буржуазии из соглашателей всех цветов требовали целых десятилетий—потому что, в сущности для осуществления их вовсе не имели сил. Только победоносный пролетариат, увлекая за собою крестьянство и часть прочих трудовых элементов, опрокинув сразу прогнившее корыто российского капитализма, мог найти в себе силы для того глубокого переворота, детищем которого является наша Татарская Республика. И если 3 года вообще возраст младенческий, то мы, во всяком случае, не ошибемся, если скажем со всей уверенностью, что наш младенец—это

младенец-богатырь, каковым и должно было оказаться дитя таких родителей, как пролетариат и революция. Этому младенцу—Татарской Республике—есть что рассказать о своем 3-х летнем существовании: есть потери, о которых должно вспомнить с грустью, есть победы, которыми можно гордиться, и достижения, в которых можно черпать неиссякаемый запас энергии для дальнейшей борьбы, испытаний и грядущего торжества.

Оглянувшись на пройденный путь, поделиться здесь взаимно впечатлениями и воспоминаниями, оценить наше положение в настоящий момент; выразить роль и значение Автономной Татарской Социалистической Советской Республики, как особой национальной единицы и как составной части Союза Социалистических Советских Республик; из сравнения недавнего, но тревожного прошлого, с нашим скромным, но относительно спокойным настоящим сделать заключение о ближайшем будущем,— вот для чего мы собрались сегодня, т.т. рабочие и красноармейцы гор. Казани.

Создание Автономной Татарской Социалистической Советской Республики постановлением высших органов Рабоче-Крестьянской Власти всей Советской Федерации, ныне Союза Советских Республик, явилось естественным шагом к разрешению национального вопроса для одной из многих национальностей прежней царской России. Вопрос о борьбе за равноправие национальностей—очень старый вопрос. Через всю историю XIX века, наряду с борьбой против классовой эксплуатации, красной нитью проходит борьба малых национальностей против эксплуатации их со стороны правящих классов национальностей господствующих. Эта эксплуатация носила тем более яркий характер, была тем более разнузданной, чем более страны или местности, населенные малыми, политически не самостоятельными нациями, могли играть роль колоний, откуда можно было черпать дешевое сырье и куда можно было сбывать по дорогой цене всякое фабрично-заводское гнилье. Средством подобной эксплуатации являлись весьма разнообразные формы национального угнетения. Надо было задержать экономическое развитие угнетаемой нации, держать ее в

рамках отсталого хозяйства, неквалифицированного черного труда, незнакомого с машиной и новейшими завоеваниями техники. А для этого пускался в ход государственный аппарат, который заботился о том, чтобы держать трудовые классы угнетенной национальности в беспросветной темноте, в полном удалении от культурного и политического развития. (А так как легче всего человек развивается и приобретает знания на своем родном языке, то ставились препятствия к применению этого языка. И если даже русский рабочий и особенно крестьянин, попадая в любую канцелярию, суд, землеустроительные комиссии, и всюду, куда загоняла его нужда и притеснения, не все понимал, что говорили ему „господа“, то неизмеримо тяжелее было положение рабочего и крестьянина из татар, киргизов, чувашей и т. д. Если он даже был грамотен на своем языке, то грамотность несколько не помогала ему, так как ни заявления, ни жалобы, ни просьбы на его языке нигде бы не приняли. Придет об'ясниться лично, ломая кое-как русский язык, казенные чинуши, а тем более сановные лица, судьи, пристав, воинский начальник, городской голова, городской, наконец,—слушают его в полуха, с явным нетерпением, с насмешкой и, не дослушав, не вникнув в дело и не желая вникнуть в него, изрекут свое начальственное слово или сунут бумагу, ни мало не заботясь, понял ли проситель. А он и вдвойне обезкуражен начальственным авторитетом и полной беспомощностью понять, настоять, об'яснить, добиться удовлетворения.

Русские капиталисты—промышленники были еще заинтересованы в том, чтобы создать кадры русских рабочих, а для этого скрепя сердце должны были создать и содержать какую ни есть сеть школ, где пролетарским детям преподавали грамоту и куцые знания, густо перемешанные поповским враньем и почитанием царя и начальства, помещика и фабриканта; но в отношении малых национальностей у них был прямо противоположный интерес: не допускать орабочивания трудящихся масс, держать их на привязи у земли, при дедовских и прадедовских способах обработки, на положении не на много лучшем, чем положение рабочего скота, так как и ваче колония перестала бы

быть колонией, нельзя было бы за безценок брать у крестьян сырье и продавать ему втридорога свои фабрично-заводские изделия. Чем эти народы были темнее, невежественнее, чем больше по старинке шло их хозяйство, тем лучше, тем быстрее обогащались русские помещики и русские заводчики.

Но капиталистическое государство еще одним способом ухитрилось извлечь для себя пользу из угнетенного положения малых и безправных национальностей. В явном и тайном союзе с кулаками и попами всех религий, правительство внедряло в сознание трудящихся угнетенных народов вражду друг против друга. Трудно было темному и вдвойне забитому крестьянину-татарину, например, понять, что не весь русский народ заинтересован в угнетении татар, что русский и татарский кулак, ростовщик, помещик и заводчик сговорятся на общей платформе обдирания рабочего и крестьянина. И поддерживая национальное безправие в политической форме, государство капиталистов отводило трудящийся класс от классовой борьбы и вселяло в сознание его, вместо ненависти к капиталу, ненависть и озлобление против русского народа, в том числе против русских рабочих и крестьян. И затуманивая таким образом сознательное отношение татарских трудящихся к истинной причине общего зла, капитал отвлекал внимание от классового экономического угнетения и поддерживал почву для сохранения своей власти в целях эксплуатации и хищнического обогащения за счет кровавого пота как татарского, так и русского крестьянства, как русских, так и татарских рабочих. И когда русский сознательный крестьянин и рабочий приходили к татарам трудящимся с революционной пропагандой, то наталкивались не только на темноту и непонимание, но и на глубокое недоверие, на подозрительность как к представителям нации, которая им, трудящимся татарам, из поколения в поколение казалась угнетающей нацией. Это недоверие, эта подозрительность поддерживалась к тому же весьма усердно татарской буржуазией и татарским духовенством. Ведь эти почтенные люди отлично знали, что революционная пропаганда уничтожит молчаливую покорность благодетелям, кулаку и мулле.

Классовый интерес татарской буржуазии, кулачества и духовенства, заставлял их поддерживать недоверие татар-трудящихся к русскому пролетариату, углублять пропасть между русским и татарским крестьянством, чтобы на почве якобы общей ненависти к господствующей нации тихонько стричь свою татарскую паству.

Вся глубина этого недоверия, вся затемненность сознания татарского прелетариата встали во весь рост тогда, когда татарская буржуазия и духовенство не будучи в состоянии примириться с потерей жирного пирога, вырванного из их глотки пролетарской революцией 25-го Октября 1917 года, через три месяца подняли вооруженный мятеж против Рабоче-Крестьянской власти в Казани. В этом смысле кровавых дней так называемой „Забулачной Республики“. Только на почве недоверия к русскому революционному пролетариату татарская буржуазия, задурмавив головы солдат татар национальным озлоблением, подняла их на восстание против Советской Власти, власти тех же солдат и крестьян. Угар рассеялся, гнездо татарской контр-революции было разрушено с помощью небольшого, но крепко спянного классовым сознанием татарского революционного пролетариата. Но этот последний, а с ним и вся Рабоче-Крестьянская власть получила громадной важности исторический урок. Если с самого начала на боевом знамени пролетарской революции написано было равноправие национальностей, если политическое равноправие было уже осуществлено, то теперь стало ясно, что надо спешить с практическим осуществлением не только равноправия, но и фактического равенства национальностей во всех плоскостях экономического и культурного бытия. Опыт вовлечения татарских трудящихся масс в контр-революционную авантюру татарской буржуазии, явно и тайно поддержанной русской буржуазией и русскими контр-революционерами всех мастей, этот опыт показал наглядно, что надо немедленно стать на такой путь, который в корне устранял бы возможность буржуазно-националистического влияния на татарские трудовые массы, который наглядно доказал бы трудящимся татарам, что татарская буржуазия и духовенство обольщают их звонкими, но пустыми словами о на-

циональной свободе, которая сводится к свободе экономической эксплуатации, и что, напротив, Советская власть, власть революционных рабочих и крестьян всей России одна только искренне желает и одна только в силах осуществить действительное равенство между всеми трудящимися. Надо было уничтожить всякий намек на систему опеки над татарскими массами, призвать их самих к власти, показать им на деле, а не на словах, что их судьба — в их собственных руках, что на пути к их культурному и экономическому возвышению нет иных помех, кроме тех, которые ставятся международным капиталом и контр-революцией всему пролетарскому делу, и нет иных средств, как полное, безоговорочное присоединение к русскому пролетариату в его героической борьбе против марровой контр-революции. Короче говоря, надо было создать Татарскую Республику, но не республику контр-революционной буржуазии, а республику Советов, в которой рабочие и крестьяне-татары совместно с теми же классами русского народа осуществили бы свою диктатуру, обезсилив и парализовав власть буржуазии, духовенства и кулачества.

Такова была историческая задача момента. Не вина Советской власти, если эта задача не была разрешена тогда же. Раньше, чем рабочие и крестьяне Казани успели прочно укрепить свои завоевания, они подверглись нашествию чехо-словаков. Вы все помните эту авантюру и бедствия гражданской войны, которая была навязана молодому Советскому государству. Нет надобности описывать здесь все картины двухлетней борьбы рабочих и крестьян всей Советской страны, и — на передовых позициях Колчаковского фронта — рабочих и крестьян нынешней Татарской Республики. Тысячи лучших борцов телами своими загородили дорогу колчаковским душителям рабочего класса и положили свои жизни за Рабоче-Крестьянскую власть. Вечная память красным героям, которые костями своими устлали путь победоносной Красной Армии от Казани до Иркутска, Читы и Владивостока!... Вы помните, как десятки тысяч крестьян, рабочих и работниц, оставаясь в тылу, с мрачным упорством, в непоколебимой преданности революции, не доедая и не досыпая, надрываясь работали на земле,

у станка, чтобы накормить, одеть и вооружить своих братьев, мужей и сыновей, сами готовые по первому зову явиться на подмогу и заменить павших и сомкнуть поредевшие ряды Красной Армии.

Контр-революционный натиск был отражен, но война еще продолжалась. На Востоке, в далекой Сибири, еще действовали разбитые шайки Колчака, при поддержке японских хищников, на Юге, в Крыму - Врангель, на Западе — панская Польша. Но Советская власть, едва отстояв Казань в апреле 1919 г., через год, под несмолкающий еще гром военной грозы, берется за осуществление задачи, которая была отодвинута нашествием чехо-словаков. В конце мая ВЦИК и СНК постановили создать Автономную Татарскую Республику из частей Казанской губ. и прилегающих губерний с преобладающим татарским населением. 27 мая был образован Ревком для организации реформы управления, и 25 июня 1920 г. состоялась торжественная передача власти от Казанского Губернского Исполнительного Комитета этому Ревкому Автоном. Татарской Соц. Сов. Республики.

Руководствуясь смыслом создания Автономной Татарской Республики, помня об исторических уроках прошлого и имея в виду общий план пролетарской революции. Правительство Татарской Республики наметило программу действия, которую оно в общем проводит в течение трех лет. Эта программа сводилась, во-первых, к тому, чтобы преодолеть национальную рознь трудовых масс, одновременно помогая естественному ходу классового расслоения и главным образом, татарского крестьянства, тяготеющего к мелкой буржуазии. Углубляя раскол между различными группами крестьянства, между кулаками и мироедами на одной стороне, бедняками и середняками на другой стороне, мы помогали последним, т. е. истинно трудовым элементам, понять, что не муллы и не краснобайствующие благодетели из кулаков, а только Советская власть, власть революционных рабочих и крестьян является истинной защитницей трудящихся. Эта политика проводилась и продолжает проводиться и в налоговом деле, и в помощи семенами, и в вопросах землепользования и землеустройства, и при вы-

борах в Советы, и повсюду сверху до низу. Таким образом мы создали почву для приобщения татарских трудовых масс к пролетарской революции, для проникновения в гущу трудящихся татар революционной пропаганды. Далее, в тех же целях мы стремились к поднятию культурного и образовательного уровня татарских масс, помня, что они веками находились под исключительным влиянием духовенства и религиозного обмана, и мы не щадили средств для вытеснения этого влияния посредством настоящего светского образования. При этом мы насаждали образование на родном языке татарских масс, а затем стали принимать серьезные меры и к тому, чтобы татарские трудовые массы могли пользоваться доступным им языком во всех официальных учреждениях Татареспублики. Этим мы на деле доказали, что Советская власть не стремится к насильственному обрусению татар, как это было при царизме, и на этом пути также содействовали установлению доверия татарских трудящихся к революции, к ее передовому отряду—русскому пролетариату и к его отдельным представителям. Вот почему мы стремились и стремимся к тому, чтобы татарские трудящиеся, плохо знакомые с русским языком, могли читать газеты на своем родном языке, чтобы, приди в суд или в любое другое государственное учреждение, они были уверены, что не пострадают только от непонимания языка и от невозможности выразить свою жалобу или свои доводы, чтобы, опубликовав какое-нибудь постановление власти на татарском языке, мы были уверены, что оно вполне понятно и дает возможность татарским трудящимся исполнить сознательно свой гражданский долг. Предоставляя право свободного и равноправного употребления родного языка, мы вселили в татарские массы доверие к доброжелательности революционной власти и убеждение, что только революционная власть служит трудящимся—не в пример всякой иной власти, которая заставляет трудящихся служить самой себе и богатому классу. Когда мы сами обращаемся к трудящимся на их родном языке, мы во-первых, также доказываем, что власть приспособлена к потребностям трудящихся, во вторых, неизбежно, против воли и сознания их внедряем в них

революционные идеи и ведем действительную революционную пропаганду.

Далее, необходимо было заботиться о том, чтобы провести равенство национальностей в самой важной и в самой трудной области—в области экономической, т. е. побороть экономическую отсталость, татарских трудовых, особенно крестьянских масс. Это значит, что при всей экономической слабости и некультурности русского крестьянина, при всей отсталости и устарелости его способов ведения хозяйства, при всей слабости развития и низкой технике русской промышленности, при всей немногочисленности русского фабрично-заводского пролетариата и при всей недостаточности его технической квалификации,—во всех этих отношениях как сельско-хозяйственные, так и, главным образом, городские промышленные элементы татарского населения стояли и стоят еще неизмеримо ниже, чем русские. Прежде всего, на всей территории, ныне составляющей Татарскую Республику, царское правительство испокон веку загоняло татарское крестьянство на самые неудобные земли, наиболее удаленные от речных путей и от благоустроенных сухопутных. А ведь не надо больших усилий, чтобы понять, какое влияние оказывают пути сообщения на развитие хозяйства и на экономическое благосостояние населения. Например, если русское крестьянство не осознало еще всей выгоды огородного промысла и занималось этим только между прочим и совершенно неразумно используя богатства, которые оно ежедневно попирало ногами, то все же огородный промысел у русских крестьян известное место в хозяйстве занимал и подмогой в их хозяйстве служил. Татарское крестьянство, напротив, почти совершенно не знало огородного промысла, что и понятно, так как огородничество в широких размерах всегда рассчитано на городское потребление и, следовательно, требует для развития возможности перевоза, т. е. путей сообщения и, главным образом, рек. То же отсутствие путей сообщения имело результатом полную зависимость татарского крестьянства от посредников в скупщиков, которые, скупая в татарских деревнях значительные массы яиц и другого сырья, собирали их не только для потребностей го-

рода, но и для вывоза за границу, зарабатывая на этом большие капиталы. С третьей стороны, близость города или по крайней мере, удобных сообщений с городом само по себе развивает подвижность, предприимчивость, освобождает от многих суеверий и предрассудков, вызывает подражание и способность воспринимать новые мысли и взгляды. Напротив, удаленность городов и отсутствие удобной связи поддерживает жизнь по старине, неподвижность мысли, грубые суеверия и страх перед новизной. Поэтому, как ни устарело сельское хозяйство русского крестьянина, у татарского крестьянина оно еще слабее. Русский крестьянин хоть чему-нибудь мог научиться у помещика или у пришедшего ему на смену купца, т. к. большинство помещичьих владений, барских экономий и пр. были расположены в районе его владений; татарское крестьянство и этого было лишено. Русское крестьянство находило порядочное подспорье для своего хозяйства в разведении свиней, которое служило им источником доходов. Свинье око-рока, свиное сало и щетина служили основой целых отраслей народного хозяйства как в промышленности, так и в торговле. Татарское крестьянство на почве религиозных предрассудков было чуждо свиноводству и лишено дешевой и выгодной статьи крестьянского хозяйства. Таких примеров можно привести великое множество. Еще хуже обстояло дело в области промышленности. Для вас, представителей революционного пролетариата и Красной Армии, давно усвоенной, конечно, является та истина, что застрельщиком и вождем и главной организующей силой классовой борьбы и революции является городской фабрично-заводской пролетариат. От степени развития городской промышленности, от наличности более или менее значительных масс пролетариата, которые в процессе производства собираются и организуются на территории в стенах фабрики или завода, от этих условий зависит и развитие классовой борьбы и революционного движения пролетариата, которые только и могут привести к освобождению рабочего класса, а с ним и всех трудящихся от всякой эксплуатации и всякого угнетения. И если нынешняя Татарская Республика в целом небогата предприятиями крупной промышленности,

если пролетарские массы в целом здесь незначительны, тогда как 92⁰/₀ всего населения Татарской Республики крестьяне, то еще плачевнее дело в среде татарских трудящихся. Тогда как в сельском населении татары составляют большинство, в составе пролетариата Татарской Республики татары составляют лишь незначительное меньшинство. Да и это небольшое количество татарского пролетариата распределяется, главным образом, среди высших отраслей промышленности и среди высших видов труда, не требующих специализации и не допускающих высокой квалификации. Среди татар почти нет ни токарей, ни слесарей, ни монтеров, ни электротехников, ни столяров, ни плотников, ни рабочих целого ряда других высших специальностей промышленного труда. Если к тому прибавить отсутствие у татар командиров промышленности, инженеров, техников, десятников, судовых капитанов, лоцманов и других специалистов речного дела, а также квалифицированного железнодорожного персонала, наряду с отсутствием врачей, адвокатов и прочих специалистов умственного труда высшей квалификации, если принять во внимание, что нормальная экономическая организация народа возможна лишь при целесообразном распределении всех выше перечисленных общественно-полезных видов труда, то ясно будет каковы были задачи рабоче-крестьянского Правительства Татарской Республики в области установления политического, культурного и экономического равенства трудящихся всех национальностей.

После этого должно стать вполне ясно, что в какой бы области ни приходилось действовать, какой бы даже частный вопрос ни пришлось разрешать в процессе работы, всегда и во всем Правительство Татарской Республики принуждено и обязано было проверять свои шаги с точки зрения соответствия их: во-первых, основной задаче Советского Государства вообще, т. е. восстановления хозяйственной мощи страны и благосостояния трудящихся, завоевавших власть в стране; во-вторых, основной задаче национальной Автономной Республики, т. е. установлению не только гражданского и политического равноправия, но также экономического и культурного равенства трудящихся более отсталой — вследствие векового угнетения — национальностей.

Поэтому в каждом отдельном случае, как и в систематических планах работы мы стремились учитывать оба эти фактора и удовлетворяли потребности населения по-разному, т. к. их положение было не одинаково и возможности не однородны.

Несомненно, что на русских в Татарской Республике затрачивается достаточно средств и энергии в деле печати, среднего и высшего образования, на поднятие уровня жизни пролетариата, который ведь в большинстве русский. Татарские трудящиеся должны сознательно отнестись к этому. Ведь как бы то ни было, в татарских массах целый ряд потребностей пока в силу их уровня культуры отсутствует, и все дело в том, чтобы довести татарские массы до уровня русских. Но для этого нужно, очевидно, раньше поднять производительность татарского крестьянства, наделить его удобной землей, распространить в нем грамотность, элементарные знания и развить зачатки его культуры, а также необходимые политические взгляды. И если на это затрачивается больше средств, чем на соответствующие потребности русского населения, то русские трудящиеся обязаны сознательно оценить эту необходимость, ибо надо компенсировать татарские трудовые массы и возместить им тот культурно-политический и экономический ущерб, который веками чинило им царское правительство и на счет которого в известной степени русские трудящиеся развивались быстрее и успешнее. Что наша практика в национальном вопросе не только соответствовала потребностям всего Союза Советских Республик, но и классовой линии всего пролетариата, в этом мы теперь можем быть вполне уверены, после тех решений, которые приняты недавно XII-м Всероссийским Съездом РКП (большевиков). В этих решениях Российская Коммунистическая Партия, руководитель Всероссийского пролетариата в его революционной борьбе и организатор рабоче-крестьянской власти, не только одобрила эту практику, которую мы начали проводить три года тому назад, руководимые основными принципами партийной программы и нашим революционным сознанием, но и объявило эту практику обязательной платформой действия для всех партийных работников, совокупность которых составляет основное

и главное ядро государственного аппарата всех Советских Республик. Может быть, мы делали некоторые ошибки в том или ином частном случае, но наша революционная совесть в общем и целом не обманула ни нас ни трудовые массы, волею которых Правительство было поставлено у власти. Здесь не место и не время перечислять все разнообразнейшие затруднения, а подчас и тяжкие испытания которые стояли на пути за истекшие три года. Недаром ведь в эти годы почти вся Советская Россия пережила небывалый голод, который едва не доканал благосостояния трудящихся, особенно крестьянства, и от которого страна только что начинает приходить в себя. По мере дальнейшего изложения нам придется конкретно упоминать о тех или иных испытаниях, здесь же, может быть, не стоило бы говорить о них, поскольку эти испытания наряду с Татарской Республикой переживали и другие части Союза Сов. Республик, не стоило бы, если бы сверх этих затруднений Правительство Татарской Республики не встречалось еще с особыми затруднениями, связанными опять же с особым характером нашей Республики, как Автономной, с одной стороны, и с разнообразием по составу национальностей, с другой стороны. Эти затруднения были очень тяжелыми, они происходили прежде всего из того, что период раннего младенчества нашей автономии, когда наша республика только начинала складываться, когда требовалось почти все организовать на новых началах и почти ничего не было перед нами в готовом виде, этот период совпал с ликвидацией белогвардейских фронтов. Новой Автономной Республике требовались целые кадры работников, пригодных для организации и развития новых форм, для решения новых задач. Между тем Татарская Республика испытывала острую нужду в работниках. Мы должны были здесь руководствоваться тем соображением, что татары не только составляют численное большинство, но что они в культурно-политическом отношении более темны, а в экономическом отношении являются более отсталым и маломощным элементом и требуют особенно упорной, тщательной обработки с соблюдением достаточного политического такта и осторожности, во избежание тех ошибок, которые легко могли произ-

зойти на почве их недоверия и подозрительности. С этим фактом мы должны были сообразовать как подбор личного состава работников в Казани и особенно в кантонах, так и самые методы работы. Учитывая, с одной стороны, не раз упоминавшееся недоверие татарских масс к ранее господствовавшей нации, а с другой стороны, разноязычие населения, мы сознательно стремились везде, где это было возможно без вреда государственным интересам, для обслуживания татарских масс или для руководства работой, особенно важной для татарских трудящихся, поставить татарских работников. К этому мы стремились, но если вся Россия в период ликвидации белогвардейских фронтов и иностранного вооруженного вмешательства испытывала кризис в достаточно опытных, зрелых и преданных революционных работников во всех областях культурной, экономической и административной деятельности, то насколько труднее был подбор работников для нас, когда некоторый наличный запас прежних работников не удовлетворял задач обслуживания татарских масс на языке последних, или не всегда проявлял полное понимание действительных потребностей татарских трудящихся масс, по привычке же часто был склонен просто пренебрегать этими потребностями, и когда к тому же татарские массы, недостаточно подготовленные предыдущей историей, не могли еще выдвинуть достаточный кадр удовлетворительных работников из своей среды. Поэтому задача подбора работников требовала планомерного воспитания и перевоспитания, каковые, разумеется, достигались, да и должны были достигаться не лекциями, не поучениями, а на живом опыте практической работы. На этом пути, разумеется, были неизбежны ошибки, разочарования, столкновения, с которыми мы все же, помня об основной цели, должны были мириться, постоянно стремясь к их постепенному, терпеливому, но твердому исправлению и сглаживанию. В отношении привлечения татарских работников мы стремились, с одной стороны, извлекать выдвинувшихся на службе Советскому государству татарских работников, призывая их к деятельности более широкого масштаба. С другой стороны, подготавливали новые кадры татарских работников из трудового класса пу-

137.

тем организации особых школ, курсов и групп по подготовке работников того или иного типа. Помимо того, восполняя оставшийся все же недостаток работников, особенно чувствовавшийся на местах, мы стремились установить возможность более учащенной живой связи между Центром и местами Татареспублики, путем командирования ответственных руководителей советской работы до Председателя ТЦИК-а включительно в кантоны и по волостям для обследования, для инструктирования, для проведения ударных задач и т. п.

150-38

Указавши на то, что кадр работников с которыми пришлось начать работу Правительству Татареспублики три года тому назад, не всегда был на высоте понимания задач текущего момента в той своеобразной обстановке, которая свойственна нашей Советской Республике, указавши на тот процесс воспитания и перевоспитания, который пришлось провести, мы не можем не отметить, что в этом отношении за три года достигнут значительный успех. Не говоря о том, что нам удалось действительно перевоспитать кое-кого из старых работников, которые по разным причинам не привыкли относиться с должным вниманием и должной осторожностью к тактике рабоче-крестьянской власти среди нерусских национальных масс, мы должны констатировать, что за истекшие годы на наших глазах вырос и поднялся целый ряд работников новых, у которых трезвое понимание действительности и внимательное отношение к местным особенностям вошло в натуру и в обиход работы. Этот успех мы с чувством радости и удовлетворения ставили в заслугу раньше всего вам, т.т. рабочие гор. Казани, которые под прямым или косвенным влиянием здорового классового сознания в наиболее острые моменты проявляли максимум политического такта, выдержки и доверия власти. Из вашей среды вышел не один десяток наиболее ценных работников, которые, поддержанные вашим сочувствием и вашим авторитетом, помогли власти смягчить конфликт и установить ту верную практику, которая получила, как сказано, полное признание XII-го Съезда партии. Вашей же политической яркости мы обязаны перевоспитанием ошибавшихся товарищей. Мы не можем также не отметить при этом выдающуюся роль потерянного нами тов. Алексея

Петровича Галактионова, который руководя местными партийными кругами и через них всеми сознательными рабочими, был одним из первых работников, кто со свойственной ему зоркостью революционного взгляда подметил и оценил истинное положение вещей и роль правильного понимания национального вопроса в политике рабочего класса. Он не только был одним из создателей обрисованной нами программы, но нередко своим личным участием и личным примером показывал, как надо эту программу осуществлять и применять на практике.

Мы уделили здесь не мало времени для ознакомления собрания с теми затруднениями, которые с первого же момента стали перед нами в отношении подбора такого состава работников, который удовлетворял бы поставленным принципам национальной политики. Но значительное место, которое мы отвели здесь этому вопросу, конечно, лишь отражает действительное место и роль этих затруднений в нашей работе. Однако, как мы бережно ни относились к задачам национальной политики, мы, разумеется, ни на минуту не отвлекались от общих потребностей и условий рабоче-крестьянской страны, мы ни на минуту не отрывались от общих задач Советской власти в Татарской Республике. И на этом пути мы также столкнулись с огромными трудностями и с тягчайшими испытаниями. Казань, как и вся Татарская Республика, стояла перед нами истощенной, разрушенной, обнищавшей. Империалистическая война подорвала благосостояние населения, революция разбила старый уклад, который рассыпался под ударами рабочего класса и революционного крестьянства. Но старый уклад и в обломках продолжал существовать и часто бросался под ноги победителям, стараясь свалить их и вызывая необходимость беспощадной борьбы с контр-революцией во всех ее видах.

И вот в этих условиях надо было поддержать народное хозяйство, потрясенное до самых основ. Надо было в первую очередь завоевать большинство крестьянских масс, которые в силу своего собственнического нутра долго не склонны были мириться с Советской властью эпохи „военного коммунизма“ и, напротив, не переваривая подраз-

верстки, всяких повинностей и прочих тягот, налагавшихся военным коммунизмом, очень легко поддавались противосоветской пропаганде. И раньше, чем мы могли вплотную подойти к этой задаче, а именно, меньше чем через год, мы стали перед новой экономической политикой, с ее правом свободной торговли, свободы передвижения, замены продразверстки продналогом. А затем, пришлось на этих началах перестраивать промышленность и переводить ее на новые рельсы, перестраивая ее на ходу. К сожалению, это оказалось гораздо труднее, чем переводить ремень с холостого шкива на рабочий, хотя цель была именно такова. В недавнем прошлом промышленность значительной частью вертелась в пустую, поглощая огромные средства, производя много шума, даже терпя катастрофы, но не производя ценностей, не давая продукции. Новая экономическая политика—НЭП, должна была дать полезное движение промышленности, поднять производительность, заставить ее создавать богатства. Но в это самое время в наши двери застучался голод и в работе сразу пошли перебои. Ведь промышленность рассчитана была при НЭП и на рынок, на покупателя, а рынок у нас, само собою, крестьянский; крестьянину же покупать стало не на что, так как он не только спустил все, что за годы военного коммунизма выкачал у города за хлеб, за мясо, за молоко, за картофель, но и свой то хлеб поел и скотину порезал, если она сама не переколела от безкормицы.

И потянулись вереницы голодных, обезлюдела деревня, закупорились беженцами все станции и пристани. А тут пошли в гору эпидемии: тиф и холера косили вправо и влево, затопили деревню и разлились в городе. Больных надо было кормить, рабочим нужен был хлеб, а хлеб был на исходе, так как не уродился и надежды было мало на будущий урожай, так как у крестьянина ни семян, ни скотины не осталось и сам либо от голода, либо от тифа кончался, а в лучшем случае, питаясь одними суррогатами,—ведь лебеда и та роскошью почиталась—стал тенью человека и работника. Преступность росла, как снежный ком, бороться с нею—надо кормить милицию, да надо кормить и преступников. Кое-какие запасы были перед этим в

Татреспублике. Но раньше чем Центр узнал об истинных размерах бедствия, он уже дал распоряжение выслать из Татреспублики свободный запас хлеба, а наши работники не чувствовали себя настолько уверенными, чтобы взять на себя смелость в такой критический момент не выполнить задание. Этим хлебом можно бы кой-как продержаться в первое время, пока налаживали помощь голодающим, пока американская помощь пришла. Это был жестокий, хотя и полезный урок как для местных работников, так и для Центра. Наши работники научились брать на себя ответственность в серьезных случаях, помня, что их государственному чутью вверено управление автономной Республики, где каждый неосторожный шаг в смысле обездоления местного населения имеет не только материальное значение, как в какой-либо Калуге или Рязани, но может кроме того, создать впечатление, что Москва, т.-е. русские слишком легко жертвуют интересами не русского населения. Ведомства Центра в свою очередь научились, во-первых, действительно осторожнее подходить к местной жизни национальных областей, но кроме того убедились, что надо несколько больше доверять местным работникам и больше полагаться на их практический опыт и их знакомство с местной обстановкой.

Итак, первый натиск голода застал Татарскую Республику врасплох: страна осталась без пуда хлеба, а Правительство было совершенно безоружно, не имея средств для оказания первой помощи и для организации дела в широком масштабе. Положение было критическое, и вся революционная эвергия, все силы, все средства, все люди — все было брошено на борьбу с голодом. Прежде всего мы добились, чтобы крестьянство Татреспублики было совершенно освобождено от продналога, который в тот год только был установлен взамен разверстки. Затем мы, кое-как, наспех, с ничтожными средствами организовали все же и кормление голодающих и эвакуацию беженцев, и призрение бездомных детей, и борьбу с эпидемиями. А к концу лета мы успели все же организовать семенную помощь крестьянам. Это был наш первый опыт посевной кампании, которая не без греха, конечно, все-таки была проведена, и

за которую последовала вторая, третья и ныне недавно закончена четвертая. Путем нечеловеческих усилий, путем всяческих комбинаций, напоминающих, может быть, историю с Тришкиным кафтаном—в этом нет стыда, так как кафтан наш, т. е. наличные средства, в самом деле были мизерны—так или иначе, но страшная осень и зима были прожиты, и мы стали ждать нового урожая. Яровой урожай не удался, но все-таки стало легче жить. Дело в том, что к этому времени развернулась и американская помощь, и Центральный Комитет помощи голодающим работал уже полным ходом, и на местах, в кантонах, и в волостях аппарат уже организовался и приспособился. Кроме того, благодаря этой энергичной работе, и особенно благодаря двум посевным кампаниям, из которых вторая была уже значительно удачнее первой, Правительство Татарской Республики завоевало симпатию крестьянства, его доверие теперь было уже целиком на нашей стороне, на стороне Советской власти. Впервые за время революции крестьянство ясно увидело, оцупало, можно сказать, что Советская власть не только берет у крестьянина, но вот в тяжелый час она и у города отняла и урезала все возможное, чтобы помочь голодному не только спасти его от смерти, но и дать ему возможность стать на ноги, поправиться, стать снова хозяином и работником.

Конечно, вам, т. т. рабочие и красноармейцы, это близко, понятно; но для крестьянства, которое еще годом раньше бунтовало, видя в продовольственном Комиссаре врага, на которого шли с кольями, для крестьянства тут произошел целый переворот в психологии, во взглядах, в настроении. Был, правда, раньше такой переворот в умах, когда Советская власть в первую же неделю своего существования издала декрет о земле, об отобрании всех помещичьих, удельных, монастырских и др. нетрудового владения земель в пользу трудового крестьянства и за это, правда, крестьянство бессознательно, хотя бы, но все же ценило новую власть. Иначе чем же объяснить, что все Колчаки, Деникины, Юденичи и Врангели вкупе с французскими, румынскими, английскими и японскими войсками все-таки были уничтожены. Это так, конечно, но тут было не-

сколько другое. Тут, действительно, крестьянство видело собственными глазами, как Советская власть, разрываясь на части, спасала и спасла его от ужасов голода, и повторяем, если раньше крестьянство стояло за нас только отдавши генеральских розог, понимало Советскую власть только нутром, то теперь оно научилось ценить Советскую власть сознательно, как будто завеса спала с его глаз. И если раньше всяким шептунам было легко морочить крестьянство, говоря ему: смотри, как Советская власть, большевики, обирают тебя для городских рабочих, для красноармейцев, и этим сеяли рознь, препятствуя основной задаче Советской власти,—если раньше это могло иметь успех, то не могло удастся теперь, и именно еще раз благодаря вам, т.т. рабочие и красноармейцы. Вы, отрывая от себя и своих семейств куски полуголодного пайка, отдавали часть своей жизни, своих соков на поддержание голодающего крестьянства.

Да, именно этим была вырвана почва у шептунов и заложен прочный фундамент для доверия крестьянина к рабочему и красноармейцу и этим положено начало духовной смычке с крестьянством.

А каковы же были результаты установившегося в крестьянстве доверия к городу и к Советской власти в целом, или лучше сказать, в чем это доверие, эти симпатии выразились? Они выразились в том безпримерном успехе, с которым прошла в прошлом году продналоговая кампания, бывшая второй для центральных губерний, но первой для Татареспублики. Мы счастливы отметить и подчеркнуть то, что в прошлом же году выразили в специальном обращении к крестьянству Татареспублики. Как только был собран урожай, крестьянство с небывалой охотой, с безпримерной исполнительностью, без малейшего принуждения потянулось сдавать продналог в заготконторы. В интересах истины и справедливости мы должны подчеркнуть, что занятые самой горячей работой по оказанию помощи голодающим и по подготовке к следующей посевной кампании, мы почти не развивали агитации по продналогу. Между тем, уже к началу осенней посевной кампании 1922 г. крестьянство выполнило продналог с излишком и дало возможность приступить

к распределению семян для нового посева раньше, чем прибыл хлеб, назначенный специально для посева государственным нарядом из Тулы. Забыта была ненависть к разверстке, крестьяне помнили только, какую помощь оказало им Советское государство в тяжелый год, и повимало теперь, что каждый пуд хлеба, сданного по продналогу, вернется к ним с лихвой, что Советская власть, собрав продналог, снова выручит их в критический момент, снова тем или иным способом возместит им расход и поможет им восстановить разрушенное хозяйство, вернуть на место беженцев, водворить эвакуированных детей в родные избы и легче двигаться к новой, свободной и обеспеченной жизни. В этом — чисто политическое значение посевной кампании и продналоговой работы, как цемента для спайки города с деревней, крестьянства с пролетариатом. Само собой разумеется насколько важна и другая, чисто материальная сторона, состоящая в том, что крестьянство, наполнив государственные амбары хлебом, дало возможность кормить городских рабочих и служащих, и даже питать целые предприятия и отрасли промышленности.

И после прошлого лета мы провели еще несколько налоговых кампаний без всяких трений. Наш налоговый аппарат приспособился и работает теперь почти без перебоев. Теперь мы стоим накануне кампании по проведению единого сельско-хозяйственного налога. Мы провели еще две посевные кампании с возрастающей точностью в сроках и объеме. Отныне крестьянство, хоть медленно, но все же начинает усиливаться в хозяйственном отношении, и при общей поддержке процесс усиления будет все возрастать. Мы твердо в этом убеждены.

Не следует думать, что наша энергия направлялась только на устройство крестьянской жизни. Мы, правда, давали себе отчет в том, что Казань — не только изолированная городская единица, а центр Татарской Республики, в которой крестьянство составляет 92% всего населения, в экономике которой крестьянские промыслы и сельское хозяйство являются решающими. Но мы никогда не забывали и о том, что городской пролетариат, несмотря на всю его немногочисленность, имеет особо важное значение в насто-

ящем, и призван еще к более великой роли в будущем развитии пролетарской революции.

Стремясь к проявлению максимума чуткости и политического такта во всех вопросах, затрагивающих интересы крестьянского населения, мы никогда не забывали о нашей промышленности и о нашей промышленной армии.

Мы упоминали уже о том тяжелом положении, в котором находилась наша промышленность в момент перехода к новой экономической политике, вследствие того, во-первых, что Татарская Республика, наравне со всей Советской Россией не успела подготовиться к этому переходу, и вследствие того, во-вторых, что момент перехода к НЭП у совпал со стихийной катастрофой,—с голодом. Промышленность Татарской Республики, не лишенная довольно крупных и мощных предприятий, в значительной части перерабатывала местное же сырье, как, например, кожевенная промышленность, мукомольная, деревообделочная, валяная и друг. Другой важной статьей была кустарная промышленность, так же связанная, главным образом, с крестьянским хозяйством и сельско-хозяйственным сырьем. Поэтому, понятно, что глубочайший упадок сельского хозяйства, неурожай и сокращение животноводства создали и глубокий кризис нашей промышленности, лишившейся сырьевого обеспечения. С другой стороны, мы имели крупные промышленные предприятия, издавна работавшие на нужды военного ведомства, выполнявшие военные заказы в громадных размерах, как, например, завод № 40 и Алафузовские фабрики. С ликвидацией военных фронтов, они неизбежно потерпели большой урон и должны были сильно сжаться. С третьей стороны, вся Советская Россия, а с нею и Татарская Республика, испытали жестокий кризис сбыта вследствие сжатия рынка, т. е. покупательной силы населения, обнищавшего от войн и голода. Этот кризис еще и по сию пору не миновал, и целые отрасли промышленности, например, по производству сельско-хоз. орудий, стекла и др. строительных материалов не могут развертываться, так как население, именно крестьянское население, не в состоянии покупать продукты этих видов промышленности, несмотря на то, что нужда в этих продук-

тах никогда не была так велика, как в наши дни. Понятно поэтому, что на свои средства, на свою выручку промышленность не могла укрепиться, государство же не имело средств, чтобы увеличить основной и оборотный капитал промышленности. Машины и оборудование не ремонтировались и не обновлялись 10—15 лет, а то и больше, рабочая обеспечена была очень слабо, и поэтому производительность и количество их труда падали все ниже и ниже. К тому же мы за несколько лет отвыкли торговать, особенно в тех совершенно новых условиях, которые сложились за время революции. Наконец, преступная безхозяйственность, расточительность, алчность некоторых родившихся с НЭП-м элементов—все эти причины вместе поставили нашу промышленность в тягчайшее положение. И без паники нужно было продолжать борьбу за каждый малейший успех, за малейшее оздоровление промышленности, и в конце концов, мы всетаки за три года не только не обанкротились, но без сомнения, не мало выиграли и приобрели. Целые отрасли промышленности, которые, казалось, вовсе захирели, как например, деревообделочная, электрическая, пищевая, полиграфия и другие бесспорно окрепли и теперь могут считаться совершенно надежными. Другие отрасли промышленности, как металлическая, кожевенная, швейная, если дотянули до сих пор, то дальше уже будут вне опасности, так как один-другой урожай, поставивши на ноги крестьянство, создаст спрос на изделия этих видов промышленности и обеспечит их сырьем.

Что касается положения рабочего класса за истекшие 3 года, то оно не переставало служить предметом самого серьезного внимания и самых усиленных забот Правительства Татарской Республики. В самое голодное время рабочие государственной промышленности снабжались предметами питания в первую же очередь из государственного фонда и—поскольку таковой был недостаточен—из местного фонда, предоставленного в распоряжение Экономического Совета при Совнаркоме Татарской Республики. Все остальные государственные служащие удовлетворялись уже во вторую очередь.

Ценою постоянных усилий со стороны Правительства и при поддержке всех сознательных рабочих удалось сберечь пролетарские кадры Татреспублики от распыления в самые тяжелые моменты. Когда же промышленность, ставши на путь коммерческого расчета и сомоокупаемости, после некоторых шатаний, замечавшихся в момент реорганизации, стала понемногу укрепляться, положение рабочих начало шаг за шагом изменяться к лучшему. Об'ективное тому доказательство мы находим, во-первых, в повышении производительности труда, во-вторых, в возвращении на фабрики и заводы некоторых элементов рабочих, которые в предыдущий период, частью ушли в деревню, где было сытнее, частью, зараженные мелко-буржуазным влиянием по слабости характера, ударились в мешечничество, в спекуляцию и т. п. Вместе с повышением уровня реального заработка рабочих, подобные явления начали уходить в область прошлого, и в настоящее время трудно будет встретить рабочего-спекулянта и торгаша.

Рабочее население гор. Казани и Татреспублики не может не знать и не видеть, что ни один серьезный вопрос, затрагивающий их интересы, не рассматривался и не разрешался без постоянного контакта с представителями профорганизаций. Так, в жилищной политике, в вопросах оплаты услуг, оказываемых населению государственными и хозяйственными организациями, в вопросах народного образования, в налоговой политике и т. д. — везде и всегда Правительство Татреспублики руководилось принципом создания условий для обеспечения положения рабочих, сбережения их сил и средств. И если вопрос будет задан ребром: улучшилось ли положение рабочих, — то каждый из вас, не вдаваясь в сложные расчеты и выкладки, должен будет ответить: да, улучшилось. Оно еще не таково, каким должно быть, но 75% того, что теперь имеют самые необеспеченные рабочие, было три года тому назад совершенно несбыточным.

Если мы обратимся к другим сторонам жизни трудящихся в Татарской Республике, как, например, образование, отправление правосудия, внутренний порядок, городское хозяйство и городское строительство, то увидим, что

Во всех этих областях работа наша в начале протекала в самых тяжелых условиях, а теперь мы вправе констатировать несомненные успехи во всех вышеназванных областях. Советская власть в деле народного просвещения с самого начала размахнулась очень широко. Мы поставили себе как будто целью сразу не только изгнать безграмотность, но и приобщить всех трудящихся к знанию в самом широком и высоком значении этого слова.

Но ни наличные средства, ни количественный или качественный состав учителей, не соответствовали нашим в начале очень широко поставленным планам. Голод, переплетаясь с НЭП-ом, еще больше обострил положение. Школьная сеть стала свертываться, сокращаться, тем более, что Наркомпросу вместо того, чтобы учить детей, пришлось кормить их. Но как только чуть-чуть утихли муки голода, как только в середине прошлого года наметился перелом и появились первые отрадные перспективы, дело народного образования тотчас же заняло место в центре нашего внимания. Начиная с прошлого года мы отдаем Наркомпросу не менее 30% всего фонда местных средств. Наркомпрос зашевелился, очнулся, как после обморока, и начал энергичную работу по восстановлению разрушенной школьной сети. Прежде всего, улучшив несколько положение учителей. Наркомпрос предохранил от окончательного распада основной кадр их, и опыт показал, что часть старых учителей, которые в предыдущий период ушли от своей специальности, возвратились к преподаванию, как только условия работы стали мало-мальски сносными; ассигнуя средства на минимальный ремонт разрушенных школьных зданий и на заготовку топлива для них, Наркомпрос сохранил существовавшее в прошлом году количество школ. В этой работе мы переложили часть тягот на кантоны, обязав их в свою очередь из средств кантонов поддерживать школы. Мы привлекли также до известной степени местное крестьянское население, заключая с ним договора о содержании школ. И можно с цифрами в руках показать, что к началу 1923 г. школьное дело вступает в третий период развития, который, хотя еще не достигает уровня 1919 г. по количеству, но уже много выше уровня прошлого года.

Одновременно принимаются меры к подготовке кадра новых учителей, особенно для татарских школ, где раньше господствовало религиозное воспитание, а также к переподготовке прежнего состава учителей, в смысле проверки их общественно-политических познаний, необходимых для нашей школы.

В отношении средней школы также можно отметить безусловный успех, не столько в количественном, сколько в качественном отношении. Мы считали, что для татарского населения — очередная задача получить элементарное образование, для чего и расширяем сеть школ I-ой ступени. Что касается школ II-й ступени, то существующих школ пока достаточно для обслуживания русского населения и той части татарского, которое к среднему образованию уже подготовлено. На этом основании мы новых школ II-ой ступени почти не создавали. Но за то мы существующим школам вполне гарантировали нормальный ход работы, обеспечив их преподавателями, инвентарем, отоплением и необходимейшими учебно-вспомогательными средствами. При этом за три года мы достигли того, что средняя школа в значительной степени приспособилась к потребностям Советской страны. Значительную часть старой программы, которая раньше служила специальным орудием отрывания мышления учащихся от противоречий капитализма и для создания пропасти между образованием и трудом, эту часть программы мы без сожаления выбросили и заменили ее совершенно новыми предметами, изучение которых школьниками как раз внедряет в них понимание роли и ценности труда, классовой борьбы пролетариата, сущность нашей революции, основ Советской Конституции, Советского права и т. п., т. е. подготавливает не наймитов буржуазии, а сознательных граждан Социалистической Республики и членов общества, основанного на господстве труда.

Особое внимание уделили мы вопросу о подготовке новых кадров профессионально-обученных рабочих. Вы не могли не заметить, что разруха в области промышленности привела, между прочим, к упадку и почти к полному прекращению системы фабрично-заводского ученичества, каковая система даже в старом обществе, при всей его анар-

личности и безалаберности, все-же существовала и поддерживалась. Поддерживалась она, конечно, в интересах капитала, который должен был заботиться о постоянном притоке квалифицированной рабочей силы. Но мы в интересах промышленности, в интересах самого рабочего класса обязаны заботиться об этом. И на отмирание фабрично-заводского ученичества мы смотрели, как на прямую угрозу будущности рабочего класса. Вот почему мы не только старались и стараемся поддержать профессиональное образование, но опять-таки видоизменили его, преобразовав старые профессиональные школы в школы фабрично-заводского ученичества, причем эти школы не оторваны от производства, как были оторваны старые профессионально-технические школы, а напротив, прикреплены к тому или другому тресту по специальности, чтобы с самого начала создать спайку между школой, где подросток обучается, и фабрикой, где он же по окончании школы будет работать. Мы упомянем кстати, что верные нашему принципу вовлечения татар трудящихся в городскую промышленность, мы вели и ведем по возможности широкую кампанию по вербовке в школы фабрично-заводского ученичества учащихся татар, которые современем и будут представлять небольшое, но правильно поставленное ядро татарского промышленного пролетариата.

Равным образом, мы связали с фабрично-заводским ученичеством и судьбу женщины-работницы, которая до сих пор ютится на задворках промышленности, отчего не только экономически страдает женщина сама, но страдает в целом рабочий класс, так как заполняя исключительно самые отсталые отрасли труда, работница гораздо медленнее и мельче усваивает подлинную пролетарскую психологию, а в качестве жены и матери эту мелкость и неустойчивость легко может вносить в семейный быт рабочего, передавать эти качества пролетарскому молодяку и, таким образом, в целом ослаблять размах и порыв рабочего движения. Мы же, подходя к задаче практически, должны были с революционной последовательностью сделать вывод, что необходимо поднятие квалификации женского труда, а для этого надо подготовить молодое поколение работниц. при-

влекая их в наши школы фабрично-заводского ученичества.

Не будем пока преувеличивать результатов кампании по вербовке татар и женщин в эти школы. Пока татар всетаки еще мало, женщин еще меньше. Много на пути всяких помех в виде предрассудков, пережитков старой психологии, сохранившихся еще там и сям в рабочей среде. Но кампания начата и тенденция к росту ее результатов у нас налицо.

Гораздо удачнее уже теперь протекает вербовка в высшие учебные заведения и рабочие факультеты. Здесь можно констатировать уже несомненный успех. Из года в год повышается в них процент пролетарского студенчества, которым мы вправе почти гордиться. Мы уже выпустили несколько десятков красных специалистов, врачей, инженеров, учителей, агрономов. И если красный командир в армии и красный моряк во флоте представляют теперь уже господствующий элемент, то через несколько лет станут заурядным явлением и красные специалисты всех родов знания, и тогда смычка между трудом и наукой получит осуществление по всему фронту.

Перейдем к другим вопросам. Возьмем, например, нашу юстицию. При всей тягости положения мы все-же провели целый ряд преобразований и улучшений в этой области.

С объявлением НЭП'а, господствующим принципом советской юстиции стала революционная законность. Мы наравне с другими частями Союза Советских Республик ввели у нас и прокуратуру и адвокатуру, реорганизовали Ревтрибунал в Совнарсуд, слив их в Единый Областной Суд, действующий как и народные суды, на основании писаных законов гражданского и уголовного кодекса. Мы ввели в действие также земельный кодекс, т. е. свод законов о земле, как ею владеть, пользоваться ею, улучшать ее и т. д. Причем при построении земельного кодекса мы обратили серьезное внимание на удовлетворение справедливых нужд татарского крестьянства в отношении наделения его удобными землями из тех соображений, которые были высказаны при изложении общего экономического состояния татарского крестьянства.

Мы провели кампанию по расторжению кабальных сделок, которые в голодный год отдали трудовое крестьянство в кулацкую кабалу. Мы ввели также кодекс законов о труде, который действительно дал вам, т.т. рабочие, все гарантии от эксплуатации.

Мы провели чистку судейского состава и пополнение судебного аппарата татарами, организовали суд на татарском языке, ведем время от времени показательные судебные процессы в стенах фабрик, заводов и воинских частей для того, во-первых, чтобы втянуть рабочие и красноармейские массы в отправление советского правосудия, еще для того, чтобы на ярких убедительных примерах знакомить рабочих и красноармейцев с типичными преступлениями, имеющими всеобщее, особенно политическое значение.

Мы упорядочили самое законодательство, создав Комиссию Законодательных Предположений, которая всякий проект нового закона просматривает, обсуждает, сравнивает, исправляет, а затем после утверждения Правительством, публикует и собирает в „Сборники Узаконений“. И мы не раз уже наблюдали, что в нашей законодательной работе почти нет промахов и недоразумений.

Возьмем, далее, аппарат управления. Нужда, ограниченность средств ускорили нашу мысль о сокращении и упрощении Советского аппарата. Мы провели реформу Кантисполкомов. Опыт полугодовой работы упрощенного аппарата доказал преимущества последнего и дал положительные результаты. Мы сократили также штаты милиции, а между тем трудно отрицать, что порядок в Республике значительно вырос. Милиционеры все одинаково, по форме, одеты и обуты, на улицах Казани порядок, и благоустройство в городе возрастает.

В области коммунального хозяйства мы также наблюдаем безусловный под'ем. Вообще говоря, эта область — одно из наиболее больных мест нашей жизни. Вспомните, что и в довоенное время городское хозяйство и органы, им управлявшие, были излюбленным предметом критики и насмешек. Да и теперь органы коммунального хозяйства, как и самое хозяйство, продолжают служить оселком, на котором все кому не лень оттачивают свое негодование

и подчас дешевое остроумие. В условиях современности под'ем городского благоустройства и восстановление дорог (2 самые главные функции коммунального хозяйства)—по причинам, глубочайшим образом связанным с историей войны и революции, встречает, быть может, наиболее тяжелые помехи. И мы сами, Правительство Тат. Республики, не отказываясь от резкой критики наших коммунальных органов и от сурового сокращения их, не переставали, однако, мыслить о под'еме и прогрессе, ни на минуту не позволяя себе посчитать задачу безнадежной. Мы органы коммунального хозяйства кроили и перекраивали, чистили и сокращали, свертывали и одновременно питали. Пусть скажут, что мы ошупью шли,—не будем того отрицать. Мы блуждали, ошибались, но одного мы себе не позволили: спячки, инертности, халатности, равнодушия. В целях организационного упорядочения, в прошлом году мы из'яли коммунальные органы из ведения Горисполкома и образовали для всей Татарской Республики общее Управление Коммунального Хозяйства, поставив его в прямую зависимость от Народного Комиссарата Внутренних дел. Несколько месяцев тому назад мы и оттуда из'яли его, подчинив его непосредственно Совету Народных Комиссаров. Справедливость требует отметить, что со стороны Горсовета мы в этом вопросе встречали всегда максимум содействия и поддержки. И если обратиться к результатам, то опять таки без глубокомысленных вычислений вы сразу должны будете признать, что прогресс налицо. Факт, что бани и водопроводы работают без перебоев; факт, что улицы и базары содержатся в чистоте, о которой в 1919, в 1920 и даже в 1921 году и мечтать нечего было. Факт, что кое-где чинятся мостовые, что трамвай работает и сам себя окупает, что ремонт жилой площади принял хотя и медленный, но систематический характер. В этом отношении, как и вообще в отношении строительства, не малую услугу оказало нам и Строительное Управление (Татархитектора), которое мы также назад тому год с лишним преобразовали из Комгосора и также поставили в прямую связь и в прямое подчинение Совету Народных Комиссаров. И теперь мы можем сказать положительно, что после сель-

ского хозяйства и государственной промышленности, коммунальное хозяйство и не только в Казани, но и в кантонах находится на верной дороге к возрождению и через несколько лет станет неузнаваемым.

Говоря о судьбах коммунального хозяйства в Татарской Республике, мы попутно затронули в высшей степени важный вопрос о том, что среди всех блужданий и ошибок мы никогда не позволяли себе ни такой роскоши, как женливое отчаяние, ни того „комчванства“, которое приводит к равнодушию, к халатности. Мы никогда не унывали, безпрестанно искали новых путей, безостановочно изощряли нашу мысль в направлении совершенствования; улучшения, укрепления, оздоровления. Мы уже говорили о недавних преобразованиях кантональных исполкомов. Но мы и раньше меняли устройство нашего аппарата, сокращали целые отделы, как например, экономотделы, отделы труда, рабоче-крестьянской инспекции, вводя взамен единоличных уполномоченных соответствующих комиссариатов Татарской Республики. Мы участвовали в реорганизации Отделов Горисполкома, например, отделы образования, здравоохранения, коммунальный слили с соответствующими комиссариатами и достигли, во-первых, сокращения аппарата и удешевления и, во-вторых, устранили вредный параллелизм, двойственность, чем вызвали несомненное улучшение дела. Мы упразднили, например, Казантоп и влили его в Таттоуправление, которое затем целиком уже перешло в Татлестрест. В организации промышленности мы также не переставая комбинировали, перестраивали, отсекали отжившее и поддерживали жизнеспособное путем концентрации и трестирования. Мы не только в Казани провели трестирование, но и в кантонах создали местные объединения мелкой промышленности. Мы реорганизовали и органы снабжения, сконцентрировав их путем создания Татторга, который играет уже теперь серьезную роль в деле государственной торговли и несомненно растет в ширь — по своим оборотам, по способности к обслуживанию потребностей, и в глубь — в смысле проникновения в кантоны. Татторг уже широко раскинул свои щупальцы и на восток и на запад и стал довольно влиятельным фактором нашей экономики. Мы

проявляли гибкость и в организации налогового дела, как продовольственного, так и денежного, непрерывно шлифуя методы работы, совершенствуя налоговый аппарат, вливая в него целыми партиями рабочих из профсоюзов и работников татар. В настоящее время наш налоговый аппарат по продуктивности своей работы, по четкости пролетарской линии может считаться почти образцовым.

Итак, мы не давали себе окостенеть, не отгораживались от жизни, мы всегда шли на встречу всякому новому начинанию, если считали его целесообразным. Принцип революционной целесообразности, который привел Советскую власть к победе над белыми генералами, не переставал руководить нами и в период мирного строительства. И на грани четвертого года существования Автономной Татарской Республики мы со спокойной совестью говорим: у нас было много ошибок, у нас и сейчас недочетов — тьма, работы впереди — непочатый край, но успехи есть везде, по всему фронту, мы двигались вперед и не стоим на месте.

Теперь, если мы хотим дать себе полный отчет в том, какую эволюцию, какой путь развития прошла Татарская Республика, мы не должны забыть, во-первых, историю нашего взаимоотношения с Центром и, во-вторых, наше истинное место в Союзе Советских Республик и в странах мусульманского Востока три года тому назад и теперь.

В момент, когда возникла Автономная Татарская Республика, центр ее Казань представляла из себя губернский город, каких много. И несмотря на то, что с первого же момента пролетарской революции и до полного завершения военной эпопеи Казань была в первых рядах, нередко принимая на себя всю тяжесть ударов, в Центре довольно часто господствовал взгляд на Казань, как на полуазиатский город, где не может быть ни настоящего понимания теоретических основ нашей революции, ни ее тактических задач, ни практического знания дела. Этот взгляд некоторые центральные органы и их работники, ответственные и тем более безответственные, перенесли на Казань, как центр новой Автономной Республики. А об остальной Татарской Республике и говорить нечего. Отсталый край с полудиким населе-

нием—и ничего более. С этим взглядом нам пришлось вести борьбу, и мы вели ее медленно, хладнокровно, но упорно, отвоевывая одну позицию за другой, разбивая одно предубеждение за другим и побеждая недоверие.

Нам пришлось поднимать целину в отношении признания нашей авторитетности и по некоторым вопросам вести терпеливую, но непреклонную борьбу за достоинство Татарской Республики. Вот, например, вопрос об экономическом районировании. Центр выдвинул проект создания экономического района Средне-Волжского, в который входит и Татреспублика, но с центром в Самаре. И этот проект уже почти был утвержден, когда мы начали жестокую борьбу против этого проекта. Прежде всего мы учитывали, что Татреспублика, вообще, ни в промышленности, ни в торговле не так уже сходна с Самарой, а напротив, что вся прошлая экономическая жизнь Татреспублики тесно связана с Уралом и Сибирью на Востоке и с прилегающими к Татреспублике губерниями и автономными областями. Поэтому наш Госплан и Совет Труда (Экономический Совет) разработали другой проект организации Волжско-Камского района, составленного из Татреспублики, Чувашской, Марийской и Вотской Областей, с центром в Казани. Во-вторых, мы полагали, что Татреспублике, которая имеет весьма своеобразную экономику и не менее своеобразный быт, невозможно управляться из Самары. Мы заявили протест против включения Татреспублики в Средне-Волжский район. Мы взяли на себя инициативу протеста и были поддержаны другими Республиками и Областями, и проект Центра был снят. Делаются в Центре попытки все-таки провести его теперь, но за три года удельный вес Татреспублики в Советской Федерации настолько вырос и укрепился, что на решение этого вопроса помимо Татреспублики, вопреки ее интересам, шансов не будет. Та же политика решения вопросов за Татреспублику проявилась, например, в области организации промышленности. Основываясь на том, что вторая Казанская электростанция на Кабане бездействует, Высший Совет Народного Хозяйства распорядился изъять находившийся на ней мощный турбогенератор, на котором строили мы все планы электрофикации Казани и от-

части кантонов, так как рассчитывали, дождавшись благоприятного момента после ликвидации голода, пустить в ход вторую станцию, и разгрузивши 1-ую, ныне действующую, распределить ее машины по кантонам. Но Главк решил все по своему, и привыкши относиться к Татарской Республике по старому, просто напросто прислал сюда людей с предписанием снять турбогенератор со 2-ой станции, вывезти его из Казани. Не будем описывать всех подробностей упорной борьбы, которую мы повели против этого шага, наносившего удар всяким планам экономического возрождения Татарской Республики. Но борьба наша увенчалась полным успехом. Правда, мы турбогенератор сдали, но получили взамен целую, вполне оборудованную электрическую станцию с Сенгилеевского цементного завода, которая даст нам не меньшую работу, чем взятый у нас турбогенератор. В самые последние дни оборудование Сенгилеевской станции прибыло в Казань на баржах, и если ничто не помешает, то осенью мы увидим новую мощную станцию в работе.

Нам пришлось также упорной борьбой защищать нашу лесную промышленность, которую центральные органы намерены были лишить значительной части оборотных средств в пользу центральных трестов. Мы и в этом вопросе дали энергичный отпор, и благодаря этому наша лесная и деревообделочная промышленность в течение одного года стала вне всяких опасностей и конкуренции. В настоящее время мы уже забываем о топливном кризисе, выработка Татлестреста растет, восстановлены лесопильные и деревообделочные заводы, в самое недавнее время пущен в ход совершенно новый завод, целиком выстроенный в период работы Лесотреста. Татарская Республика получает заказы и от Донбасса и от Азербейджана. Короче говоря, лесная промышленность действительно начинает играть в хозяйственной жизни Татарской Республики роль одной из основных отраслей, как и должно быть по естественным и экономическим основаниям.

Мы проявили такую же лживую и в вопросах, не имеющих прямого экономического значения, но играющих роль в планах и перспективах экономического и культурного развития Татарской Республики. Не надо думать, что мы вели мелоч-

ную, придирчивую политику, изображая обиду в каждом отдельном случае. Нисколько. Но если мы видели, что тот или иной неосторожный шаг центральных органов вытекает из недостаточной оценки положения Татарской Республики в прошлом и настоящем и колеблет почву для развития ее в будущем, в этих случаях мы не позволяли себе такой скромности, как молчание, и сами центральные органы и их работники должны были убедиться, что Татарская Республика в своих претензиях и требованиях проявляет подготовленность, серьезность, основательное знание местной обстановки и глубокое классовое понимание своих исторических задач. Мы должны констатировать, что случаи, подобные вышеописанным, попытки решать вопросы, касающиеся Татарской Республики, помимо ее самой, стали теперь крайне редкими и, таким образом, найдена единственно правильная линия сочетания потребностей Татарской Республики с общей революционной целесообразностью, лежащей в основе деятельности Советского Правительства. И такое состояние будет, очевидно, крепнуть, и как результат директив XII Съезда Р. К. П.

Нам остается еще коснуться положения Татарской Республики, как одной из стран Востока; правильная оценка этого положения играет огромную роль как в нашей линии поведения, так и в судьбах трудящихся. Татарская Республика, точнее Казань, издавна является Центром тяготения для стран азиатского Востока с мусульманским населением. На Казань давно обращаются взгляды тюрко-татарских народов Азии, как на центр умственного и вообще культурного развития. Через Автономную Татарскую Республику и некоторые Восточные Советские Республики, Власть Советов и с нею все трудящиеся Запада протягивают братскую руку мусульманским народам Турции, Персии, Афганистана и Индии, поработанным и угнетаемым под сапогом воинствующего империализма. К судьбе Татарской Республики и других восточных Социалистических Советских Республик, к их экономическому и культурно-политическому росту жадно присматриваются на Востоке и от них ждут помощи, указаний, руководства. Восточные Республики снабжаются у нас татарским шрифтом, просят у нас учителей-татар для своих школ, наш татарский театр

поставляет материал для многих Республик. Нашей же татарской прессой обслуживается татарское население почти всего Союза. В Татарский Коммунистический Университет, в наши Высшие Учебные Заведения идут учиться молодые пролетарии и крестьяне Башкирии, Киргизии, Бухары, Туркестана, Закавказской федерации. Уйдя от нас, они рассеиваются по своим странам, ручейками разносят среди трудящихся своего народа знания и навыки, приобретенные ими в Татреспублике, приобщая свои народы к революционной борьбе и перекидывая искры ее дальше, в среду трудящихся — мусульман, отгороженных от нас пока империалистическими рогатками. Вот почему Татреспублика особенно настойчиво должна была и впредь будет вести свою правильную политику в национальном вопросе. Чем быстрее будет идти экономическое и культурно-политическое развитие Татреспублики, чем богаче раскроются внутренние силы Татреспублики в ее автономии, тем заразительнее будет ее успех для трудящихся Востока. И потому, когда в Центре не раз возникал вопрос о закрытии Казанского Политехнического Института, мы стояли за него горой, и всякий раз доказывали, что в отношении Татреспублики было бы грехом перед Революцией закрывать такой очаг умственной и технической культуры на основании голых арифметических расчетов, может быть, справедливых, с точки зрения экономии, но совершенно непригодных с точки зрения политического значения Татреспублики. И мы отстаивали Казанский Политехнический Институт. Мы создали и поддерживаем Казанский Клинический Институт из тех же соображений, полагая, что политическое значение Татреспублики требует в интересах Революции, чтобы Татреспублика уже теперь при всей ее бедности имела все зародыши полной, всесторонней культуры. И мы достигли того, что Казанский Клинический Институт, как лечебно-учебное учреждение в короткое время, при самых скудных средствах, действительно стал одним из очагов возрождения Татреспублики, тем более, что недавно открытое при Клиническом Институте трахматозное отделение будет иметь громадное значение в деле борьбы с трахомой, — этим испокон века национальным бичем та-

тарской бедноты. Мы не допустили в свое время закрытия Казанской 16-й пехотной школы и 9-х кавалерийских курсов Красных Командиров, ибо мы считали и считаем, что закрытие их и распыление обучающихся в них молодых рабочих и крестьян—из татар, башкир, киргизов и других национальностей,—по школам Центральной России было бы непростительной политической ошибкой. Мы отстаивали оба эти военно-учебные заведения, слившиеся в Об'единенные курсы Красных Командиров Народов Востока, но мы из тех же соображений идем дальше и ведем упорное ходатайство в Центре за преобразование этих курсов в Военную Школу нормального типа. Создать кадры красных командиров из среды трудящихся Востока—это больше, чем просто получить столько-то командиров для Красной Армии. Это задача чрезвычайного политического значения среди других задач революции на Востоке. Ибо Красный Командир—это не старый офицер, не только вождь вооруженной толпы. Красный Командир—боец, но и агитатор, он организатор боя, но он же и организатор Совета после боя, не только выкрикивающий команду, но и читающий лекцию и дающий объяснения на всякую тему, близкую уму и сердцу трудящихся. И отсюда понятно, почему мы придаем такое значение удлинению срока обучения, ибо в 9 месяцев из полуграмотного татарина или киргиза *такого* Красного Командира сделать невозможно.

Мы здесь крайне сжато, вследствие обширности и почти необъятности содержания, рассмотрели путь развития Автономно-Татарской Республики за 3 года ее существования. Но при всей сжатости изложения, материала оказалось так много, что является необходимость подвести итоги. „Чем ты был, и что стал, и что есть у тебя“, вот вопросы, на которые надо теперь ответить в резкой и исчерпывающей форме.

Чем мы были 3 года тому назад? Мы были захудалой губернией, отсталой в хозяйственном отношении, истощенной после 3-хлетней гражданской войны, с разбитым корытом промышленности, без людей, без средств, без всякого признания наших нужд. Наше крестьянство обнищало, у него не стало ни хлеба, ни скота, ни доски, ни

гвоздя. Оно вымирало тысячами и бежало без оглядки десятками тысяч. Оно поедало трупы, а иногда и живых людей. Школы упали. Наши рабочие голодали, бросали станки, спекулировали, воровали материал, специализировались на зажигалках и забывали свое ремесло. Наши города разрушались, погружались в темноту, тонули в нечистотах. Преступность и бандитизм покрывались голодными милиционерами, нередко помогавшими грабить, взяточничество приняло размеры истинного народного бедствия. Повинности трудовая и гужевая, озлобляли население, и нередко озлобление выливалось в прямое сопротивление. Средняя и высшая школа разваливалась. Наши работники были нерешительны и неразвиты политически. Положение казалось безнадежным.

Чем мы стали? Мы стали Автономной Республикой, в деяниях которой внимательно прислушивается не только Центр, не только другие окраины Советского Союза, но и страны Мусульманского востока Азии. Наши работники культурно подтянулись и выросли в политическом отношении. Наше крестьянство оживает, его хозяйство крепнет и лошадьми, и орудиями, и постройками. Школы восстанавливаются. Эпидемии исчезли или встречают самый суровый отпор. Промышленность и торговля возрождаются, тресты крепнут, города обстраиваются, мостовые чинятся, бани, водопровод, электрические и телефонные станции работают почти без перебоев, острота жилищного кризиса утихает. Рабочие более сыты, пользуются охраной, повышается производительность труда и квалификация профессиональных знаний. Крестьянство и городское население без принуждения платит налоги, разбирает на расхват облигации хлебного займа, в Советы избирают друзей Советов, следовательно, прониклись доверием и симпатиями к Советской Власти. Трудовая интеллигенция с нами, красное студенчество снова приближается к почетному званию революционной молодежи, среда которых нам обещает дать организаторов народного хозяйства и сеятелей пролетарской культуры. Равенство национальностей проводится по всей линии, татарским трудящимся открыт путь для полного приобщения к Советской родной, трудовой культуре,

к овладению всеми позициями, от которых их оттеснило национальное угнетение.

У нас есть общий под'ем жизненной энергии, у нас есть несомненно оздоровление всей жизни; у нас есть медленное накопление ценностей, которое в скором времени даст Татарской Республике возможность не только удовлетворять местный спрос, но заготавливать для вывоза за границу и для обмена на то, чего нам не хватает. У нас есть много ошибок, но и колоссальный опыт работы; у нас много еще нужды, но есть сознание, что самое страшное уже позади, что мы уже в восходящей части кривой и впереди у нас новые успехи.

У нас, у Татарской Республики, есть неоценимый капитал симпатий в миллионных трудящихся массах всех восточных народов. И наше Союзное Правительство может без всякого вреда подписывать, сколько угодно Керзону, обязательства о воздержании от пропаганды. Ведь самое наше существование под боком Востока, всякий наш новый успех, всякое новое завоевание на фронте экономическом и культурном — есть пропаганда, пропаганда действием, и этой пропаганды ни Керзон, никто другой не зачеркнет и не упразднит. Автономная Татарская Социалистическая Советская Республика, черпающая силу и поддержку в вас, живет и будет процветать на радость всем трудящимся и к ужасу всех угнетателей.

Голос трудящихся Татареспублики.

(К итогам 3-й годовщины ТР).

Революция приучила нас к грандиозным событиям и в быстрой ежедневной смене их мы часто не замечаем достигнутых результатов в области повседневного строительства.

Тем ценнее и дороже для нас празднование годовщины особо выдающихся крупных событий, когда, невольно оглядываясь на пройденный путь, мы восстанавливаем длинную цепь пережитых этапов борьбы и строительства, и, подводя итоги успехам и ошибкам, делаем соответствующие выводы, бросаем взгляд в будущее.

Наши годовщины—это не праздники, а раньше всего и прежде всего дни итогов.

На многотысячных собраниях и митингах, на торжественных заседаниях учреждений и организаций, на товарищеских беседах и, наконец, во всех приветствиях и письмах—езде и всюду в наши годовщины трудящиеся подводят итоги и выясняют задачи момента.

Наша задача здесь прислушаться к словам приветственных телеграмм и писем полученных в дни годовщины ЦИК-ом, СНК-мом и ОК РКП (б) от сотен тысяч рабочих, крестьян и красноармейцев, от заводов и фабрик, от красноармейских частей и кантонных организаций, от волисполкомов и сельсоветов и от отдельных групп трудового населения.

Красная Татария—звено поднимающегося Востока.

Прежде всего во всех приветствиях констатируется огромная роль Авт. Тат. Республики в развитии революционного движения среди угнетенных народов Востока.

Только тесное содружество освобожденных Октябрьской Революцией народностей Востока и об'единенных в автономные республики, среди которых ТР занимает одно из первых мест, может приблизить час раскрепощения всех стран Востока от империализма—заявляют трудящиеся Татарии, Дагестана, Башкирии, заканчивая свои приветствия словами:

Да здравствуют Автономные Республики СССР.

Да здравствует братское единение Советских Республик народов Востока.

Да здравствует революция на Востоке.

„Татреспублика в течении трех лет строительства, — пишут курсанты об'единенных Мусульманских курсов, сумела доказать, что она способна не только восстанавливать хозяйство своей страны, но и давать свои лучшие силы, лучших работников для просвещения трудящихся Востока“.

„Автономное существование ряда Советских Республик трудящихся народов Востока в крепком союзе с СССР — залог приближения последнего часа восстания трудящихся всего Востока“ — подчеркивает в адресе своему шефу, ЦИК-у Центральная Тюркская Военно-Политическая школа.

Трудящиеся сознают высокое назначение АТССР — разжигают факел революции среди братских народностей Востока и рады все принести на укрепление молодой республики.

Об этом свидетельствуют приветствия, присланные ЦИК-у, СНК-ому рабочими фабрики имени Ленина, раб. Водного транспорта, Трамвайного парка, 7-й пехотной школы комсостава, Красноармейцами Окружной учебной кузницы ПРИВО, Арским волостным с'ездом сельсоветов и многими другими раб.-крестьянскими организациями.

Спайка татарского и русского пролетариата.

В первое время образования Автономной Татарской Республики, некоторая часть русских рабочих и крестьян не видела в этом необходимости.

Татары, пользующиеся всеми правами граждан остальных национальностей, имеющих Советскую Россию, говорили они, так зачем же создавать еще Автономную Тат. Республику?

Однако быстрые успехи, достигнутые ТР в области просвещения татар, убедили всех, что фактическое освобождение татар от тяжелого наследия, оставленного царизмом, — от невежества и экономической отсталости, возможно лишь в условиях Автономн. Тат. Республики, входящей неразрывной частью в РСФСР.

Как татарские, так и русские рабочие и крестьяне теперь это поняли и стремятся все к большей и большей взаимной спайке.

Рабочие Спасского затона, в знак солидарности с татарским пролетариатом, решили выпущенный ими ко дню ТР пароход назвать именем татарского коммунистического деятеля.

„Твердо, нога в ногу с татарским пролетариатом пойдем мы к укреплению Советской Власти,“ — заявляют рабоче трамвайного парка.

„Да здравствует революционная спайка татарского и русского пролетариата“.

Вот лозунг, который красной нитью проходит в приветствиях Спасского и Нижне-Услонского затона и других организаций водного транспорта, в приветствиях Елабужцев и Арского вол. с'езда сельсоветов, красноармейцев батальона связи и саперной роты и в десятках других приветственных телеграммах и письмах.

Правительство АТССР верный рулевой.

Казанский Горсовет раб. и кр. депутатов совместно с пленумом Татпрофсовета и представителями пролетарских организаций и красноармейских частей на торжественном заседании, посвященном *третьей* годовщине существования Авт. Тат. Соц. Сов. Республики, заслушав отчетный доклад Правительства, вынес резолюцию, в которой: „Приветствует высшую Власть АТССР и, отмечая громадные

достижения в области организационного строительства, на фронте борьбы с голодом, в деле восстановления культурной и экономической мощи Татреспублики, проводимой на основах правильно-осуществляемой национальной политики, полностью одобряет деятельность Правительства АТССР и линию его работы считать правильной“.

С этой оценкой деятельности правительства АТССР и достижений, сделанных Республикой за три года, сошлись в широкие слои трудящихся ТР.

„Правительство ТР явилось истинным выразителем воли трудовых масс“ — заявляет в своей радиограмме Арский Кантисполком.

„Шлем свой горячий привет Правительству, — пишут рабочие Бондюжского завода, — и выражаем уверенность, что в дальнейшем его представители будут неуклонно проводить линию диктатуры пролетариата.“

„Привет руководящему органу Татарской Республики, твердо стоящему на страже пролетарской революции“ — звучит из Богородска голос водников.

„Три года тому назад, — говорят в обширном письме рабочие фабрики имени Шейкмана, в самое трудное время зародилась Татреспублика, но опытные руководители ее сумели повести трудящихся к улучшению своего положения“.

„Приносим благодарность ЦИК-у за напряженную работу в борьбе с голодом и содействие в посевной кампании,“ пишут по деревенски просто из Ново-Кишитской волости, Арского кантона.

Так высказываются со всех сторон трудящиеся, подводя итоги трехгодичному строительству и оценивая деятельность своего правительства.

Трудящиеся помогут своему правительству и ком. партии.

Итак, Татреспублика на верном пути к возрождению, самое тяжелое — позади, близок день экономического и культурного расцвета Татарии — это видят трудящиеся и готовы напрячь все силы, чтобы под руководством своего правитель-

ства и коммунистической партии приблизиться к лучшему будущему.

Об этом в один голос заявляют крестьяне, рабочие, красноармейцы и учащиеся.

„Нет дождей, снова засуха грозит голодом, но мы, видя старания правительства, направленные к улучшению сельского хозяйства, бодро смотрим вперед и надеемся победить последствия голода,“ — пишут крестьяне одной из волостей Арского кантона.

„Вступая в четвертый год строительства молодой Республики, из'являем полную готовность притти на помощь Правительству“ — говорят Елабужцы.

„Даем свое пролетарское слово, что будем во всем помогать, как помогали до сего времени, — пишут раб. фабр. имени Шейнкмана.

„Искренно верим, что под умелым руководством революционной Власти трудящиеся преодолеют все препятствия“, — говорят Ленинцы, которые приподнесли ЦИК-у красное знамя.

Впрочем не одни Ленинцы в день трехлетия ТР вручили знамена нашим Революционным органам: Об'единенно-Слободской район РКСМ, преподнес знамя ЦИК-у, рабочими завода № 40 — ОК РКП (б) и т. д.

Десятки красноармейских частей, находящихся на территории ТР, в незамысловатых словах своих приветствий ЦИК-у, СНК-ому и ОК РКП (б) высказывают единодушную готовность по первому зову встать на защиту завоеваний трудящихся СССР и интересов народов Востока.

Учащиеся не одной школы и не одних курсов горят желанием отдать все свои знания и молодые силы строительству трудовой Татарской республики.

„Празднуя трехлетие Татреспублики и приветствуя ЦИК и СНК — пишут курсанты Об'единенных Мусульманских курсов, заявляем, что все знания, полученные нами на курсах, понесем в ряды трудящихся Востока“.

„Мы, вышедшие из трудовых слоев населения Татреспублики, считаем своим долгом отдать все силы на служение Раб.-Крестьянскому Правительству ТР“, присоеди-

няются к курсантам слушатели-цы курсов по реализации тат. языка.

„Усердно готовимся стать строителями молодой Татарской Республики“, пишут в лаконической телеграмме ЦИК-у воспитанники Петроградского Интерната школы войск ГПУ — казанцы.

Непоколебимую веру в свое рабочее правительство и коммунистическую партию и готовность помочь им, мы слышим во всех приветственных телеграммах и письмах присланных ЦИК-у, СНК-ому и ОК РКП (б) в день годовщины ТР.

Прислушиваясь к словам этих часто не совсем грамотных писем и коротких телеграмм к голосу многих тысяч трудящихся ТР, спаянных кровными узами со своим Правительством и Ком. Партией нельзя не верить в грядущий расцвет *Красной Татарии*.

